ЕВГЕНИЙ КРОТКОВ

krotkov@bsu.edu.ru

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

1. Спецификация и классификация дисциплинарных научных дискурсов

Научный дискурс – это речемыслительная деятельность, регламентируемая социокультурными кодами науки как общественной практики, её правилами, традициями и ценностями. *Когнитивная* составляющая научного дискурса реализуется в пространстве субъект – объектного отношения, имеет объектную интенцию. Когнитивный компонент – это всегда некоторое рассуждение, реализуемое в форме внутренней речи (мышления «про себя») или внешней речи (письменной либо устной). *Коммуникативная* составляющая научного дискурса имеет иную, а именно, субъектную интенцию, и представляет собой речемыслительный диалог. *Внутренняя диалогичность*, т.е. авторская рефлексия по поводу своих текстов, их синтаксической связанности, семантики их терминов, логической корректности выводов, обоснованности гипотез и т.п., известна любому научному работнику. Во внутреннем диалоге автор периодически проблематизирует процесс и результаты собственного речемыслительного поиска, формулирует и «прорабатывает» альтернативные варианты. *Внешний диалог* состоит в речемыслительном взаимовоздействии нескольких субъектов научной деятельности. По целям этого воздействия научный дискурс включает в себя *описание,* когда автор своим сообщением имеет намерение проинформировать коллег о ходе и результатах своих исследований или о работах в соответствующей области других авторов; *оппонирование*, когда автор формулирует оценочные суждения и критические соображения в отношении гипотез и методик других авторов; *рекомендации*, когда реципиенту даются какие-либо советы теоретического или методического характера, которые могли бы благотворно повлиять на результаты его исследований.

Между когнитивным и коммуникативным дискурсными актами существует непосредственная связь. Научное знание является результатом категориального «вычленения» предмета исследования из объекта, постановки проблемы, формулировки гипотезы, применения методов обоснования, объяснения и прогнозирования. Все эти процедуры реализуются нередко совместными (коллективными) усилиями многих ученых в процессе обмена сведениями и точками зрения через печать, в личных беседах, по переписке и в публичных дискуссиях. Однако диалогический, межсубъектный характер научной

деятельности не дает оснований для редукции когнитивного аспекта дискурса к коммуникативному: у них разные цели, методы и средства. Цель общения в ученом мире – ознакомить коллег с полученными результатами, высказать свое мнение по проблеме и принять во внимание их суждения, поделиться с ними возможными подходами к ее решению. Цель когнитивного дискурса – получение знаний об объекте, а не изменение убеждений и поведения коллег по «цеху». Структура познавательного процесса – «формулировка проблемы => выдвижение гипотезы => проверка гипотезы => объяснение или предсказание на основе гипотезы новых фактов» – не укладывается в схему коммуникативного сценария.

В фокус внимания методологов редко попадает differentia specifica дисциплинарных научных дискурсов. Известно деление дискурсов на основе различения форм движения материи, дистинкций «простое – сложное», «внутреннее – внешнее», «субъективное – объективное», «природа – человек» etc. Комплексное решение вопроса может быть найдено в методологии построения многопараметральной модели научного дискурса, его дисциплинарной матрицы, содержащей систему дискурсных параметров. Рассмотрим некоторые параметры и их значения (субпараметры) когнитивного дискурса.

– *Эволюционный*: неживая материя, уровни её организации; живая материя, уровни её организации; человек и общество.
– *Темпоральный:* прошлое, настоящее, будущее.
– *Предметный:* содержание объектов исследования научной дисциплины, которое вычленяется «сеткой» её категорий.
– *Семантический*: объектный язык, метаязык.
– *Проблемный*: типы научных проблем.
– *Методологический*: логические средства, формы и методы научного дискурса.
– *Целевой*: знание-отображение, знание-оценка, знание-предписание.

Дисциплинарная (отраслевая) специфика того или иного дискурса может быть задана корреляцией некоторого подмножества параметров и их значений. При этом понятия, посредством которых выделяются разновидности научного дискурса, не являются общими понятиями (как они определяются в науке логики). Речь идёт об идеально-типических понятиях в смысле М. Вебера, посредством которых в каждом отдельном случае удается установить, «насколько действительность близка этому мысленному образу или далека от него», и которые «представляются нашей фантазии достаточно мотивированными», т.е. обладают «большой эвристической ценностью для исследования» (Вебер, 1995: 581, 588).

Деление дискурса по *эволюционному* параметру совпадает с общепринятой иерархией форм движения материи (Ф. Энгельс).

По *проблемному* параметру выделим следующие основные виды дискурсных актов: *обосновывающий*, отвечающий на вопрос «Истинна ли гипотеза *X*?»; *объяснительный,* отвечающий на вопрос «Почему имеет место ситуация *a*, описываемая высказыванием *X*?»; *герменевтический,* отвечающей на вопрос *«Какой смысл X вложен в текст Y?»*; *прогностический*, отвечающий на вопрос

«Возникновения какой ситуации *a* следует ожидать при наличии ситуации, описываемой высказыванием *X*?»; *квалификационный*, направляемый вопросом «К какому типу (классу) *T* некоторой систематики *K* следует отнести данный предмет (ситуацию, процесс) *a*?»; *вычислительный,* отвечающий на вопрос «Какой из множества однотипных объектов $в_1, в_2,\ldots,в_n$ идентичен искомому объекту *a*?» [1].

В связи с *целевым* параметром обратим внимание на следующее обстоятельство. Первейшая задача ученого, встретившего незнакомый, как ему представляется, объект («странный» факт, непонятное явление), попытаться его осмыслить в той системе теоретического и эмпирического знания, а также того методологического инструментария, которые достаточно успешно «работали» до его обнаружения. Такого рода деятельность является *научно-репродуктивной*, целью и продуктом которого является преимущественно экстенсивный рост научного знания. Понятие научно-репродуктивной деятельности по сути дела введено Т. Куном. Ученый в русле нормальной науки не ставит себе цели создания новых теорий. Он решает проблемы, которые характеризуются не только тем, что они имеют гарантированное решение, но и тем, что предполагают существование правил, которые ограничивают как природу приемлемых решений, так и шаги, посредством которых достигаются эти решения. Именно такой «будничной работой», по выражению Куна, занято большинство ученых в ходе их научной деятельности. *Креативная научная деятельность* начинается с того момента, когда в полной мере осознается невозможность решения определенного вида задач (проблем) на уже существующей фактуальной и теоретической базе, с помощью ранее созданных методов и средств. Это обстоятельство побуждает исследователя к формулировке новых идей и гипотез, изобретению нетрадиционных экспериментальных методик, средств наблюдения и измерения. Сам процесс рождения нового в научном творчестве выходит за границы рационального дискурса. Считается, что значимость креативной деятельности более высока, чем репродуктивной. Однако именно последняя создает предпосылки для прорыва горизонта «готового» знания.

По *методологическому* параметру научный дискурс делят на *формальный* и *эмпирический*. Этот параметр позволяет обратить внимание на различия в способах обоснования, характерных для дискурса *эмпирических наук* (физики, химии, биологии, геодезии, минералогии, астрономии, социологии, культурной антропологии etc.), и дискурса *формальных наук* – с другой. Истинность высказываний *формального дискурса* (логики и математики) устанавливается логико-аналитическими методами в границах теорий, поострenных на основе искусственных (символических, или формализованных) языков, в то время как истинность высказываний эмпирических наук удостоверяется, в конечном счёте, опытным путем. Эмпирический дискурс по эволюционному параметру делят на *естественно-научный* – его объектами являются природные явления и процессы, не имеющие прямых социокультурных детерминант (поэтому в нем отсутствуют ценностные и нормативные суждения), и *социально-гуманитарный* – его объекты

[1] Дискурсные акты данного вида рассмотрены в работе: Кротков Е.А. О рассуждении как методе познания // Вопросы философии. -№6. 2013. С. 170- 180.

связаны с отношениями между людьми и социальными общностями, с внутренним миром (сознанием) человека, его культурой и мировоззрением.

Для естественно-научного дискурса характерно наличие *абсолютов*, т.е. констант, входящих в уравнения, которые описывают фундаментальные законы природы: «В естественных законах существенную роль играют природные константы» (Курт Хюбнер). На этом основании этот дискурс называют также *номотетическим*. Его делят по эволюционному параметру на *физический*, *химический* и *биологический* виды. Далее, в каждом из членов такого деления выделяют по методологическому параметру – переходу «от рода к виду» – некоторые его разновидности. Например, понятие «биологический дискурс» (видовое по отношению к понятию «естественно-научный дискурс») делят на *ботанический*, *зоологический* и *антропологический*. Этот же дискурс по данному параметру, но уже по схеме «от *структуры к функции*», диверсифицируют на *анатомический дискурс*, занимающийся строением (морфологией) организмов, и *физиологический*, в котором речь идет ***о*** процессах, протекающих в живых организмах.

Продуктом естественно-научного дискурса является знание-отображение.

В социально-гуманитарной области в качестве аналогов абсолютам естественно-научного дискурса целесообразно рассматривать нравственные ценности, исторически сложившиеся культурные традиции, национальные и общецивилизационные приоритеты, на основе которых выделяются, упорядочиваются, оцениваются и объясняются факты из общественной и приватной жизни людей. Следует добавить, что константы природного характера невозможно обойти («нарушить»), а в социально-гуманитарной области такое явление нередко имеет место. Данное обстоятельство хотя и добавляет сложности в объяснении и предсказании событий в человеческом обществе, но не дезавуирует потребности в них. Социально-гуманитарный дискурс называют еще типологическим, поскольку для него характерно конструирование идеальных типов (в смысле М.Вебера) объектов социального и культурно-антропологического генезиса, являющихся аналогами общих понятий и категорий естественно-научного дискурса.

По предметному параметру социально-гуманитарный дискурс поделим на социальный и антропологический. Социальный дискурс (социологический, экономический, политический etc.) исследует отношения между социальными общностями, а антропологический – личностные свойства человека, его ментальность, поведенческие модели, образ жизни. Взаимовлияние результатов социального и антропологического исследований подчёркивается словом «социально-гуманитарный» как имени разновидности эмпирического дискурса.

Следует признать, что научному дискурсу не все доступно в жизни человека. Именно таково «положение дел» в тайнах человеческой души, таких его чувствах как любовь, надежда и вера, либо подлость, трусость и зависть. Здесь научная рациональность уступает место искусству. Существует искусствоведение – комплекс социально-гуманитарных научных дисциплин, изучающих искусство и художественную культуру общества в целом, отдельные виды искусства. Однако в их задачу входит кодификация видов искусства, описание и сравнительный анализ их языков, форм и средств, а не исследование того, к примеру, что поэт

обозначил как «гений и злодейство».

Продуктом социально-гуманитарного дискурса являются не только знание-отображение, но и знание-оценка, знание-предписание.

По *темпоральному* параметру выделим *исторический* дискурс, дискурс *современности* и *футурологический* дискурс. В качестве примера рассмотрим исторический дискурс. Его объекты принадлежат к прошлому. Широко известен экстравагантный тезис: любая реальность есть история, а любое знание и сознание являются историческими феноменами (Б. Кроче и Р.Д. Коллингвуд). Чтобы уйти от парадокса универсализации (все дискурсы – исторические, значит, нет оснований для выделения и самого исторического дискурса), представляется целесообразным принять следующие соглашения. *Настоящее* – это все то, что а) происходит «здесь и сейчас»; б) было в недавнем физическом прошлом, отчетливо и полно отображено в свидетельствах и имеет актуальную значимость в том смысле, что происходившее ранее оказывает существенное влияние на «дела» ныне живущих; в) наступит в ближайшем физическом будущем, сравнительно точно прогнозируемо и потому ожидаемо. *Прошлое*: а) имело место в отдаленном физическом прошлом; б) только фрагментарно воспроизводимо по вещным «свидетельствам» и/или по текстам; в) его сопоставление с настоящим способно произвести лишь психологический и/или идеологический эффект. *Будущее*: а) приходит на смену настоящему и лишь частично детерминируется им; б) в настоящем может существовать только виртуально; в) способно повлиять на мотивы и цели деятельности ныне живущих.

Исторический дискурс, в свою очередь, поделим (по эволюционному параметру) на *естественно-исторический* (история природы) и *социально-исторический* (история общества). В естественно-историческом дискурсе используется метод проецирования современных естественно-научных знаний на отдаленное прошлое природы: на их основе по сохранившимся его предикатам («следам») выстраивается картина эволюции неживой и живой материи.

Как известно, прошлое воссоздается из исторических фактов. Но факты из истории общества, упорядоченные в их хронологической последовательности – это еще не социально-исторический образ («картина») социального прошлого. Если иметь в виду национально-исторический дискурс, то этот образ возникает проецированием на них таких «ценностных идей», как национальная идея, честь нации, историческая справедливость, etc., на основе которых осуществляются вычленение, интерпретация и оценка исторических фактов. И хотя прошлое онтологически не детерминировано настоящим, не может измениться под его влиянием, однако социальная история пишется не только по формуле «как это в действительности было», но и согласно установке на «потребное» прошлое. Именно это обстоятельство имеют в виду, когда полагают, что каждое поколение заново переписывает историю, проецируя на нее свои ожидания: прошлое переосмысливается и преобразуется в свете настоящего.

В связи с изложенным следует рассматривать в качестве опасной иллюзии у ориентированных на национальную идею социальных историков, полагающих, что они имеют право на монопольное обладание исторической истиной. Эти самонадеянные «грезы» порождают антагонизм национальных и

региональных социально-исторических дискурсов, нередко провоцирующих политические и военные конфликты. Ясно и другое: многое из социального прошлого могло быть полнее и точнее реконструировано посредством научных методов, если бы историки не превращали свои штудии в ремесло по заготовке «исторических аргументов» для политиков. Однако этот (вполне романтический) проект предполагает принятие хотя бы одного императива эпистемологии научной истины: не настаивать на оценках и выводах, вступающих в противоречие с твердо установленными историческими свидетельствами (фактами). В противном случае социальная историография утрачивает все атрибуты научного дискурса.

Историография уделяет большое внимание вопросам методологии. В ней нет отдельного специализированного метода исследования («исторического метода»), который позволял бы отграничить этот дискурс от других научных дискурсов: применяемые в исторической науке методы широко представлены и в других научных дисциплинах (приемы работы с источниками и их критика, интерпретация фактов, типологизация, классификация, методы, применяемые в криминалистическом исследовании, etc.)

В границах социально-исторического дискурса по *предметному* параметру выделяются такие соподчиненные ему дискурсы: *политическую историю*, *гражданскую, историю хозяйства*, *историю культуры*, *военную историю*, *историю государства и права* и т.д. По методологическому параметру, по схеме «от целого – к части» он делится на *историю общества в целом* (всеобщая история), *историю цивилизаций, историю отдельных стран и народов*.

Естественно-исторический дискурс продуцирует знание-отображение, а социально-исторический – знание-отображение и знание-оценку.

По *семантическому* параметру научный дискурс поделим на *объектный дискурс* и *метадискурс*. С семантическим типом языка связано выделение такого метадискурса, который называют *логико-аналитическим*. Его предметом являются логические отношения между терминами (понятиями) и высказываниями (суждениями) объектного дискурса. С другой разновидностью метадискурса, выделяемого по семантическому параметру, имеют дело, когда отвечают на вопрос «Почему следует понимать некоторый текст (или отдельное высказывание) так-то и так, а не иначе?» Такой дискурс называют *герменевтическим*. Внятной методологии герменевтического дискурса еще не создано, хотя многие дискурсные научные практики (такие как история, юриспруденция, литературоведение) имеют одной из своих задач установление аутентичного смыслового содержания разнообразных текстов.

Сложная ситуация с делением имеет место в *междисциплинарном* дискурсе, в котором происходит «схождение» предметов, методов и знаний различных наук: биологии и химии – в биохимии, биологии и физики – в биофизике, биологии и социологии – в биосоциологии, etc. Хорошим примером может послужить медицинский дискурс, в который вплетено впечатляющее многообразие естественно-научного и социально-гуманитарного дискурсов, связанных в единый функциональный узел его предназначением – решением проблем лечения больных и профилактической работы со здоровыми людьми. Подобное

обстоятельство побудило К. Поппера заявить, что «мы исследуем не предметы, а проблемы». «Проблемы же способны пересекать границы любых дисциплин и их предметов» (Поппер, 2004: 120). Однако следует признать, что не существует проблем безотносительно к чему-либо, но есть проблемы в области физики, биологии, социологии etc., либо так называемые комплексные (междисциплинарные) проблемы. Как отмечает Е.Н. Князева, французский философ и социолог Эдгар Морен «решительно отказывается от разделения знания на обособленные дисциплинарные области», «призывает навести мосты и воссоздать связи между различными областями дисциплинарного знания» (Князева, 2011: 104). Но чтобы «пересечь границы», они должны быть как-то обозначены, например, исходя из разнообразия корреляций параметров и их значений в дисциплинарной матрице научного дискурса. Размежевание же, в свою очередь, позволяет осуществлять на конструктивной основе многоаспектный компаративный анализ и диагностику разнообразных дисциплинарных и внутридисциплинарных дискурсов, а также выявлять некоторые тенденции и закономерности их диверсификации и конвергенции. «Пусть в формальном разделении знания на крупные области и составляющие их дисциплины есть много искусственного и «неряшливого», все же эти <…> меры существенно облегчают коммуникации между учеными, имеющими общие интересы, и направляют коллективные усилия на решение важных интеллектуальных проблем» (Парсонс, 2013).

2. Понятие общенаучного дискурса

Дискурс науки (как и любой другой) предписывает, разрешает либо ограничивает, исключает. К примеру, в эмпирических науках устанавливаются правила, по которым получают и оценивают результаты измерений, а также правила, по которым решают, соответствуют ли теоретически выведенные предсказания результатам измерений или наблюдений. Авторские публикации об открытии новых явлений в каком-либо эксперименте должны гарантировать получение этих же результатов (в таком же эксперименте) другими исследователями (принцип воспроизводимости). Постановка диагноза врачом должна осуществляться в соответствии с действующей в клинической медицине нозологической номенклатурой, в которой прописаны симптоматика, патогенез и этиология предполагаемой у пациента болезни (Чазов. Царегородский. Кротков, 1986). В математике нередко возникает необходимость установить, является ли некое построение доказательством теоремы, и с этой целью в ней сформулированы достаточно строгие критерии относительно того, что считать доказательством (а что таковым не является). Периодически в эти регламентации вносятся изменения и дополнения, которые в столь же повелительной форме очерчивают границы возможного и невозможного для определённого вида дискурса.

Регламентация позволяет также решить задачу разграничения научного дискурса и дискурса метафизики / религии, имеющих иные цели, а также дистанцирования от «антинауки» (Дж.Холтон). Этой задачей, известной под

именем «проблема демаркации», в свое время занимался логический позитивизм, хотя предложенное им решение – отказать в осмысленности дискурсов метафизики и религии – едва ли приемлемо[2].

В целом специфику научного дискурса следует усматривать в исторически сложившемся комплексе универсальных принципов науки, следование которым оптимизирует процесс создания, трансляции и использования знаний. В контексте эволюции форм и методов научной деятельности, открытия новых предметных областей (универсумов) некоторые из них из разряда инновационных со временем приобретают статус институциональных, другие утрачивают прежнюю актуальность, а третьи подвергаются коррекции (уточнению и модификации). Будучи идеалами, эти требования задают некий предельный уровень приближения к нему. Наиболее близки к этому идеалу естественные науки.

Существенно иная ситуация складывается в социально-гуманитарных науках: они имеют дело с проблемами, относящимися к устройству общества, положению в нем человека, и это обстоятельство не может не затрагивать сферу личностного бытия исследователя, его корпоративных (цеховых, социально-классовых, национальных) интересов. Оно увеличивает риск непреднамеренной субъективизации предмета исследования и его результатов. Многоаспектность и многофакторность социального бытия, его динамичность (вариативность), способность человека «перешагивать» через любые табу и инстинкты создают для исследователя проблемные ситуации, в которых теоретическое моделирование (как один из ведущих методов наук, благополучных, как принято говорить, в эпистемологическом отношении) находится еще в зачаточной стадии развития. Но все это не дает оснований для принижения роли общенаучных идеалов и принципов, и, тем более, для полного отказа от них в какой бы то ни было области науки.

Как известно, одна из интенций философии постмодерна состоит в попытке развенчания теоретико-познавательного авторитета научного дискурса, являющегося образцом для всех других областей применения человеческого разума. «Если традиционно разворачивание научного дискурса понималось как процесс, в котором исходное предположение <…> очищается от субъективных представлений, <…> если необходимость поставить в научном исследовании проблемный вопрос и дать на него аргументированный ответ имела статус аксиоматичной презумпции, то постмодерн фиксирует абсолютную релятивность и мифологичность этих представлений» (Задворная, 2015).

Далее, в связи с коммерциализацией всех сфер жизни общества возрастает опасность трансформации социально-гуманитарного дискурса к рекламно-репрезентативистскому, определяющая интенция которого состоит в получении доступа автора к публикациям в рейтинговых журналах, от которых зависит финансирование проектов научными фондами. Артикуляция общих критериев научности вполне актуальна и в этом отношении. Рассмотрим некоторые из них.

[2] Некоторые сущностные характеристики данных дискурсов рассмотрены в статье: Кротков Е.А. Дискурс философии // Вопросы философии. - 2015. № 4 - С. 195-206.

Объективность: требование считаться с независимым от сознания исследователя (именно как исследователя, а не участника материальной или идеологической практики) существованием объектов познания (включая духовные ценности, сознание других людей).

В суждениях о фактах и объяснительных гипотезах, в оценочных суждениях исследователю следует уходить, по возможности, «от цепей зыбкого случайно-личного в понимании мира» (А.Энштейн). Особенно это требование актуально для социально-гуманитарного дискурса. Никто не будет спорить с тем, что субъект такого дискурса включен в познавательный акт в качестве его неотъемлемого элемента, и что полученное им знание зависит от применяемых средств познания, ракурса анализа, избираемого вида описания. Тем не менее, какими бы ни были эти средства, ракурсы и виды, полученные при их посредстве результаты должны воспроизводить – с той или иной степенью точности и полноты – реальное положение вещей. Далее, на исследование социальных процессов и явлений культуры нередко оказывает деформирующее влияние система ценностей самого исследователя. «Однако при всей сложности предмета социально-гуманитарных наук установка на объективное его изучение и поиск законов и закономерностей являются обязательными характеристиками научного подхода» (Степин, 2006: 9).

Интерсубъективность: языковые и логические средства авторского дискурса должны создавать условия для адекватной рецепции основного его содержания другими специалистами.

Интерсубъективность не следует смешивать с объективностью: первая является коммуникативным проявлением второй. К. Хюбнер выделяет следующие разновидности интерсубъективности: *семантическую* (ясность и общая приемлемость понятий и построенных из них суждений), *эмпирическую* (для всех участников дискуссии не подвергается сомнению обоснованность авторских высказываний эмпирическими фактами), *логическую* (логическая корректность выводов), *операциональную* (ясность, воспроизводимость и общеприемлемость определенных образцов научной деятельности) (Хюбнер, 1994: 78-80).

Установка на поиск истины: «наука стремится к истинным теориям» (К.Поппер).

К.Поппер справедливо отмечал, что все теории истины, за исключением корреспондентной, не удовлетворяют критерию объективности, имплицитно заложенному в понятие истины. Так, когерентная теория не способна решить проблему отношения знания к реальности, лежащей за пределами сознания, а прагматическая теория закрывает глаза на то, что по практическим результатам нельзя судить однозначным образом об истинном положении дел.

Позицию, называемую дефляционной, занимают философы науки, которые сомневаются в целесообразности использования концепта «истина» в эпистемологическом анализе. Так, Т. Кун интересовался вопросом, действительно ли мы должны считать, что существует некоторое объективно истинное знание о природе, и что мерой научного достижения является степень, с которой оно приближает нас к этой конечной цели. Его ответ – отрицательный: сообществу ученых нет необходимости использовать этот неясный концепт; ему

достаточно для оценки теории возрастающий список решения проблем с помощью этой теории (Кун, 1975: 223-224). Л. Лаудан также заявляет, что наука не нуждается в гипотезе о существовании истины. Более того, он убежден, что «если мы определяем «истину» классическим образом, то наука была и всегда будет иррациональной» (Ньютон-Смит, 1994: 176). Прогресс в науке Лаудан, как и Кун, связывает с ее возрастающей способностью к решению проблем, причем эта способность независима от вопроса об истинности теории. Но тогда возникает еще три (не менее сложные) проблемы: как отличить подлинную (научную) проблему от псевдопроблемы? что понимать под «возрастающей способностью» к решению проблем? в чем состоит само «решение проблемы»? Едва ли вразумительные ответы на эти вопросы можно получить в обход корреспондентской версии концепта истины. «Эта модель лишает смысла всю научную работу», – заключает Ньютон-Смит, и я присоединяюсь к этой оценке (Ньютон-Смит, 1994: 181). Истину как более или менее точную репрезентацию реальности иногда пытаются подменить «лучшим полаганием». Но вопрос о том, какое из множества разных «полаганий» является лучшим, решается, в конечном счете, не в «сети полаганий» (как полагали Р. Рорти и У. Куайн), а в «диалоге» с реальностью.

Приверженность детерминизму: установка, согласно которой у исследуемого явления (предмета, ситуации, процесса, события) необходимо установить другие явления, которыми оно непосредственно обусловлено (определено) и причины которых уже установлены.

Данный принцип позволяет говорить не только о каузальности (причинности), но и о том, что значения независимых переменных детерминируют значение зависимой переменной в выражении функции, а желаемое (мотив) может оказаться детерминантой реального действия (поступка) etc. Детерминация подразделяется на однозначную обусловленность одного другими, и их обусловленность, воспроизводимую средствами статистики и теории вероятности. В.С. Стёпин выделяет следующие фундаментальные типы детерминации: лапласовскую, которая имеет место в простых, т.е. механических, системах, гомеостатическую – в сложных саморегулирующихсяся системах, и синергетическую – в сложных саморазвивающихся системах.

Исключается только одно: обусловленность явлений мистическими (сверхъестественными) феноменами (в науке, говоря словами Х. Патнэма, «чудеса не принимаются») либо метафизическими (субстанциональными) сущностями.

Теоретизм: предполагает использование абстрактных (идеальных) моделей исследуемых ею феноменов в любой достаточно развитой области науки.

На основе таких моделей осуществляется организация и интерпретация опытных данных, формируются номотетические высказывания, репрезентирующие устойчивые и инвариантные зависимости (законы) ее предметной области. Посредством номотетических высказываний реализуются основные функции науки – обоснование, объяснение, прогнозирование, квалификация и вычисление. В социально-гуманитарном дискурсе в качестве аналогов формулировок законов (номотетических высказываний) уместно вести речь о законоподобных построениях, в которых представлены скорее

статистические и вариативные, чем динамические (безвариантные) зависимости. В этом отношении социально-гуманитарный дискурс в чём-то существенном аналогичен метеорологическому дискурсу (который обычно квалифицируется как естественно-научный): его прогнозы нередко сбываются (и на этом основании они востребованы), но чаще, чем этого хотелось бы, оказываются ошибочными.

Логичность: требование когерентности и смысловой (референциальной) определенности дискурса.

Наиболее устойчивым компонентом научного дискурса является использование формально-логических принципов и регулятивов. Они способствуют формированию таких качеств дискурса как смысловая определенность и непротиворечивость. Критика постмодерном языка науки ориентирует ее на метафорическое употребление слов, на актуализацию коннотативных компонентов их семантики, на негативное отношение к научным дефинициям. «Все определения становятся жестокими и неверными: создающее и изобретающее их мышление может теперь постичь их – ободранных, отделенных от живой формы, плавающих в мрачной глубине» (Делез, 1998: 190). Разумеется, использование тропов (метафор) уместно на этапе рождения нового знания, либо в границах научно-популярного дискурса. Однако на этапе рационализации новой идеи (построения на ее основе научной теории) отказ от логически безупречных дефиниций был бы катастрофой для науки.

Методологизм: научное исследование должно осуществляться с помощью определенной совокупности методов.

Способ деятельности становится научным методом, когда достаточно полно описан в литературе, предназначен для решения ограниченного – в большей или меньшей степени – круга задач (не является универсальным), и обладает свойством валидности, т.е. способностью давать именно те результаты, для получения которых он предназначен. Методы подразделяются на дисциплинарные и междисциплинарные, методы теоретического и эмпирического исследования etc. Не существует только универсальных методов и методов открытия новых истин, изобретения новых способов исследования.

Успешное применение любого метода не является занятием сугубо алгоритмическим, предполагает наличие у исследователя некодифицируемого мастерства, приобретаемого им в личном опыте.

Существует противоположная методологизму позиция: методы науки не придают ей никаких преимуществ перед мифом и религией в познании человеком себя и окружающего его мира (П. Фейерабед). Такой взгляд приводит к кажущемуся странным заключению о том, что в отношении методов «все дозволено». Однако все становится на свои места, если предположить, что Фейерабенд имел в виду креативную научную деятельность, а не научно-репродуктивный дискурс. Действительно, научные инновации были бы невозможны, если бы ученый всегда оставался в границах «общепринятого методологического благоразумия» (Л. Лаудан): здесь свою позитивную роль могут выполнить случайные факторы, включая ассоциации с мифологическими образами, метафизическими обертонами. При этом важно подчеркнуть: такого рода внерациональные факторы «срабатывают» только у

высокопрофессионального специалиста в данной отрасли науки, глубоко осознавшего исчерпанность возможностей наличного знаниевого и методологического арсенала.

Обоснованность: требование приведения рациональных доводов (аргументов) в целях признания гипотезы (теории) научной.

Любое обоснование полагается таковым лишь относительно определенного набора методов и средств, определенной области научного познания. К примеру, некоторые методы, которыми обосновывают свои положения математики, непригодны для обоснования положений социально-гуманитарных наук, и наоборот. Даже в границах одной и той же науки, но в разных ее направлениях стандарты обоснования могут в чем-то существенно различаться (как это имеет место в классической и интуиционистской математике). Естественные науки обладают относительно надежными способами удостоверения в связи со значительно большей зависимости их гипотез от данных наблюдения и экспериментов. В социально-гуманитарном дискурсе в качестве обоснования гипотез нередко ограничиваются приведением примеров, что само по себе способно усилить лишь эффект суггестивности. Здесь обращаются чаще к мнению авторитетов, чем объясняется феномен комментаторства (детализации доктрины и уточнения ее частностей), порождающий диктат неких избранных («авторитарных») дискурсов.

Критицизм: только те идеи и положения, которые выдержали критический натиск оппонентов, имеют право быть принятыми в качестве научных.

Среди других ученых, занятых исследованием этой же области явлений, всегда имеются подходы и точки зрения, не совпадающие с авторскими, а иногда и противостоящие им. Критицизм предполагает способность автора анализируемого текста выслушать контраргументы, попытаться встать на точку зрения другого, посмотреть на свою позицию как бы со стороны, готовность изменить или уточнить свои взгляды, если того требуют ранее неучтённые факты или вкравшиеся ошибки в рассуждение. Далее, критицизм характеризуется установкой на обнаружение возможного плагиата, а также отсутствия новых идей и положений в анализируемой работе, что входит в противоречие с этосом науки.

Историзм: установка, в соответствии с которой научные знания (как продукт дискурсных процессов) не только не возникают в «готовом» виде, но и не остаются неизменными. Что-то в них со временем уточняется, углубляется, расширяется, а другое – элиминируется, заменяется чем-то новым. Но при этом пройденное (прошлое) науки не отбрасывается, не придается забвению: на его ошибках учатся, но в нём же могут быть обнаружены положения, нераспознанные ранее в качестве истинных.

* * *

Рассмотренные принципы в их совокупности составляют характеристику научной рациональности, которая оказалась со второй половины XX в. объектом жёсткой критики. Одна из причин этой критики состоит в отождествлении общенаучной рациональности с естественно-научной, в абстрагировании последней от специфики размышлений о человеке и обществе. Универсум дискурсов социально-гуманитарного вида составляют объекты, наделенные

особыми (нефизическими, ценностно-нормативными) свойствами, многие из которых изменяются от одной социальной группы к другой, от эпохи к эпохе. Их результаты в меньшей мере находятся в зависимости от точности измерений и определенности сенсорной информации. По этой причине возможности формулирования номотетических высказываний, построения научных теорий в этой области знаний пока весьма ограничены. Однако задача методологии социально-гуманитарного исследования состоит не в том, чтобы выстроить антипод общенаучной рациональности, а в осуществлении плодотворного синтеза познания общего – с учетом различий, объяснения – с пониманием, выявление константного с учетом возможных флуктуаций, etc. К примеру, внимание к различиям в социокультурном анализе не исключает обнаружения общего (идеально-типического); отсутствие универсальных законов в социальном бытии восполнимо обнаружением в нем устойчивых зависимостей локального характера, например, инвариантных связей между типовыми мотивами и провоцируемыми ими поступками, на основе которых можно строить понимание поведения отдельных личностей и объяснение действий социальных групп. Думается, что именно в признании этих и им подобных линий «схождения», а не в изобретении некой «новой» рациональности скрыты резервы повышения качества социально-гуманитарных штудий.

Список литературы

Вебер М. Объективность познания в области социальных наук и социальной политики / Культурология. XX век: Антология. М., «Юристъ», 1995.

Делез Жиль. Различие и повторение. Санкт-Петербург, ТОО ТК «Петрополис», 1998.

Задворная Елена. Эпистемика научного дискурса в культурной ситуации постмодерна (http://filologija.vukhf.lt/2-7/zadvornaja.htm).

Князева Е.Н. Идея эмерджентой эволюции в воззрениях Э.Морена, И.Стенгрес и Ж.де Роснэ // Философские науки. М., 2011. №9.

Кун Т. Структура научных революций. М., «Прогресс», 1977.

Ньютон-Смит В. Рациональность науки / Современная философия науки. Хрестоматия. М., «Наука», 1994.

Парсонс Т, Сторер Н. Научная дисциплина и дифференциация науки (http://www.courier-edu.ru/pril/posobie/parst.htm).

Поппер К. Предположения и опровержения. Рост научного знания. М., «Ермак», 2004.

Стёпин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М., «Гардарики», 2006.

Хюбнер К. Критика научного разума. М., ИФРАН, Бонн: Интер Национес, 1994.

Чазов Е.И., Царегородцев Г.И., Кротков Е.А. Опыт философско- методологического анализа врачебной диагностики // Вопросы философии. М., 1986. №9. С.65 - 86.

Евгений Алексеевич Кротков – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Белгород)